

Памяти Бѣлинскаго.

Когда называютъ имя В. Г. Бѣлинскаго, то въ памяти русскаго читателя не только встаетъ образъ писателя-гуманиста и замѣчательнаго критика, впервые установившаго прочныя литературныя взгляды, — съ этимъ именемъ неразрывно вспоминается время высокаго подъема нашей общественной мысли, тѣ удивительныя „сороковыя годы“, преданіе о которыхъ составляетъ одну изъ наиболѣ любимыхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Духовный ростъ своеобразнаго русскаго мыслителя, превращеніе его изъ „недоучившагося студента“ въ перваго литературнаго дѣятеля становятся понятными лишь въ связи съ тѣми общественными вліяніями, какими онъ былъ окруженъ въ началѣ своей работы въ кружкахъ, связанныхъ съ Московскимъ университетомъ. О нихъ было много говорено и много писано, но тѣни этого уже далекаго прошлаго какъ бы живутъ съ нами и теперь, вдохновляя при каждомъ обращеніи къ нимъ красотой и глубиной своего идеализма.

Съ начала тридцатыхъ годовъ весь тонкій цвѣтъ нашей молодой образованности, всѣ пылкіе юноши съ разнообразными дарованіями, художественными, философскими и учеными, стали встрѣчаться въ дружескихъ сборищахъ, сначала студенческихъ, а потомъ и общественныхъ кружкахъ; изъ нихъ всѣмъ извѣстными сдѣлались впоследствии два—Станкевича и Герцена. Въ университета созданъ кружокъ раннихъ славянофиловъ. Черезъ много лѣтъ, вспоминая

о московской жизни, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ встрѣчь во имя серьезныхъ духовныхъ запросовъ о своихъ сверстникахъ (не только о друзьяхъ) говорить: „это была удивительная молодежь... такого круга людей талантливыхъ, чистыхъ, развитыхъ, умныхъ и преданныхъ я не встрѣчалъ, а скитался довольно по бѣлому и „красному свѣту“. И вотъ, въ средѣ этихъ блестящихъ молодыхъ философовъ, съ живостью усваивавшихъ всѣ послѣдніе выводы западно-европейской науки, появляется человекъ изъ глухого уѣзднаго общества, съ неудачнымъ дѣтствомъ, испытавшій всю горечь приниженнаго существованія. Этому новому лицу, В. Г. Бѣлинскому, было суждено сдѣлаться самымъ горячимъ и вліятельнымъ проводникомъ во всемъ читающемъ обществѣ тѣхъ мыслей и настроеній, которыя вырабатывались въ упомянутыхъ кружкахъ, въ сторонѣ отъ торной дороги жизни.

А какова была эта торная дорога, каково было существованіе въ уѣздномъ захолустьѣ, откуда вышелъ нашъ мыслитель, объ этомъ мы имѣемъ художественно-правдивый рассказъ выдающагося русскаго бытописателя, рассказъ, имѣющій значеніе историческаго документа. — „Дѣтство мое прошло въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ (принимая во вниманіе медленность теченія жизни въ провинціи — разница со временемъ дѣтства и юности Бѣлинскаго незначительная), а эти годы для „обыкновенной“ русской толпы были самымъ глухимъ, самымъ мертвымъ временемъ. Все, что родилось и провело въ эти годы свое дѣтство, все это, какъ бы ни былъ ребенокъ даровитъ отъ природы, было близко къ потерѣ сознанія человѣческаго достоинства, съ дѣтства переполнялось всѣми сортами трусости, пріучалось боязливо мыслить, чувствовать и вовсе отвыкло отъ аппетита какъ-нибудь поступать, какъ-нибудь дѣйствовать... Не шевелиться, хоть и мечтать; не показывать виду, что думаешь; не показывать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что „боишься“, трепещешь,—тогда какъ для этого и основаній-то никакихъ нѣтъ,—вотъ что выработали эти годы въ русской толпѣ. Надо постоянно бояться—это корень жизненной правды; все остальное можетъ быть, но можетъ и не быть, да и не нужно всего этого остального,—еще наживешь хлопотъ,—вотъ что носилось тогда въ воздухѣ, угнетало толпу, отшибало у нея умъ и охоту думать!“ — „Какъ только начинаю себя помнить, чувство какой-то виновности, какого-то тяжелаго преступленія уже тяготѣло надо мной. Такъ дѣйствовала на меня эта унылая, мертвая атмосфера, созданная людьми, искони потерявшими смыслъ и аппетитъ „жизни“, что я еще семи или восьми лѣтъ уже чувствовалъ тотъ

самый камень на сердце, какой чувствовали все мои родственники, все мои сверстники“.

„Все, что я ни видѣлъ вокругъ себя, все какъ бы отъ залось отъ самого себя и только заботилось о томъ, чтобы не погнѣваться, точно было ввержено въ какую-то пропасть... „Пропадешь! — носилось надо всеми мнѣ близкими:—пропадешь, если посмѣешь чего-нибудь захотѣть самъ, если самъ что-нибудь позволишь себѣ...“ „Хватай невѣсту-то покуда можно... а то пропадешь!“ И чемъ звѣкъ хваталъ урода, отъ котораго спивался... „Хватай мѣсто... останешься безъ мѣста, пропадешь!“ И художникъ, талантливый человекъ „хваталъ“ мѣсто попа, почтальона — и спивался.. Ни одной свѣтлой точки не было на горизонтѣ. „Пропадешь!“—кричалъ небо и земля, воздухъ и вода, люди и звѣри... И все ежилось и стѣсало отъ бѣды въ первую попавшуюся нору“ (Глѣбъ Успенскій). С трагическое, можно сказать отчаянное нежеланіе себѣ и другимъ „пропасть“, неутолимая жажда научить людей выбиться изъ этой душной обывательской жизни, поднимать ихъ духовный уровень и сознание человеческого достоинства—эти побужденія были изъ главнѣйшихъ въ дѣятельности Бѣлинскаго.

Только что приведенный, быть можетъ грубоватый, но яркій набросокъ Гл. Успенскаго даетъ намъ извѣстное понятіе о томъ, въ какой обстановкѣ питалась мысль и росло чувство негодующаго автора „письма къ Гоголю“. Отъ общей характеристики настроеній въ бѣдныхъ слояхъ общества того времени обратимся къ фактамъ, удостовѣреннымъ людьми, знавшими дѣтство писателя. И. И. Лажечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ по рассказамъ, какіе слышалъ на мѣстѣ, передаетъ, что домашняя обстановка Бѣлинскаго была самая безотрадная. „Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, болѣею частью члены полиціи, съ которыми уѣздный лекаръ (отецъ критика) имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на-распашку, часто за ерофеичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращающія болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ во-очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведѣрку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр... Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накупѣла въ ней ненависть къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Оттого-то его убѣ-

жденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнью... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ изъ наболѣвшей груди его вырывались грозно обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его"... Другія воспоминанія также рисуютъ общественную, семейную и учебную обстановку Бѣлинскаго съ самой неблагоприятной стороны; воспитаніе его такимъ образомъ совсѣмъ не было похоже на воспитаніе его друзей, членовъ кружка Станкевича, выросшихъ въ дворянскихъ богатыхъ помѣстьяхъ. Вполнѣ обезпеченные и окруженные съ излишествомъ всякими удобствами съ дѣтскихъ лѣтъ, они не испытывали никакихъ лишеній и не знали, что такое нужда. Житейскія невзгоды преслѣдовали Бѣлинскаго съ самаго ранняго возраста и продолжались въ дальнѣйшемъ. Низменная сторона дѣйствительности была первою школою, тяжелымъ вкладомъ въ его міровоззрѣніе; личный опытъ при глубокой духовной сущности развилъ въ немъ энергическое сочувствіе къ страданіямъ другихъ, Бѣлинскій рано понялъ человѣческое горе и его нравственно воспитательное значеніе. Съ другой стороны въ Бѣлинскомъ съ тѣхъ же дѣтскихъ лѣтъ сказалось влеченіе ко всему прекрасному и доброму, не находя его въ жизни, съ тѣмъ большею силою мысль обращалась къ книгѣ, къ литературѣ. „Бѣлинскій“, говоритъ А. Н. Пыпинъ, „не былъ, что называется „воспитанъ“ на какомъ-нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку“... „онъ даже восхищался Сумароковымъ“ (будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища).

„Для иного и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно: для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовые стремленія“. „Мало по-малу вкусъ развивался, становился требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ уже опредѣленные предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны. Словомъ, Бѣлинскій сумѣлъ ориентироваться въ своемъ чтеніи и тѣмъ сильнѣе привязывался къ литературѣ, чѣмъ больше ему пришлось обойти окольныхъ путей, чтобы придти къ пониманію истинно-поэтическаго“. Черта, опредѣляющая весь характеръ развитія личности Бѣлинскаго—самыми разнообразными дорогами упорно шелъ онъ къ истинѣ, и тѣмъ глубже залегало въ немъ выстраданное убѣжденіе.

Не окончивъ гимназій, Бѣлинскій уѣхалъ въ Москву, въ уни-

верситетъ, его онъ также не окончилъ. Польза была отъ университета лишь та, что талантъ окрѣпъ и развился въ московской литературной и журнальной средѣ, въ кружкахъ, о которыхъ говорилось. Было большимъ счастьемъ для писателя, что обстоятельства очень скоро связали его съ просвѣщеннѣйшими людьми тѣхъ лѣтъ. Идеальная сторона жизни, европейская наука, насколько она была доступна тогда для насъ, русскихъ, процвѣтала въ вольной академіи философовъ, эстетиковъ и моралистовъ въ значительно большей степени, чѣмъ въ официальной школѣ. Врожденное чувство воспріимчивости ко всему прекрасному нашло здѣсь счастливыя условія для своего развитія, здѣсь созрѣло эстетическое пониманіе Бѣлинскаго не оставлявшее его до конца жизни. Но не только одна эстетика занимала молодые умы, живыя бесѣды, страстные споры касались разнообразныхъ философскихъ вопросовъ; однако чисто научные интересы имѣли здѣсь второстепенное значеніе. „Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія“, вспоминаетъ И. С. Тургеневъ, одинъ изъ учениковъ Станкевича. Къ такой постановкѣ вопросовъ пришли однако не сразу: необходимъ былъ переходъ отъ прежняго міровоззрѣнія. Изъ неистоваго романтика, написавшаго въ студенческіе годы драму, гдѣ въ страстныхъ, на подобіе шиллеровскихъ, монологахъ, обличалось зло русскаго крѣпостничества (несомнѣнная причина его увольненія изъ университета), Бѣлинскій въ кругу московскихъ друзей превращается въ якобы уравниовѣннаго мыслителя и, переживъ всюдикость нравовъ среды, изъ которой вышелъ, онъ уходитъ въ далекую отъ этой жизни германскую идеалистическую философію Шеллинга, Фихте и Гегеля. Поэтическая красота первой изъ этихъ системъ была естественною ступенью для перехода отъ романтизма, отъ томленія по неясной мечтѣ. Искусство въ этой философіи имѣло первенствующее значеніе. Призванный творецъ въ искусствѣ былъ единственный истинный человѣкъ, соединяющій все то, что въ природѣ находится въ разъединеніи, во враждѣ. Всѣ области знанія поглощались искусствомъ, и вдохновенный художникъ постигалъ тайны міра, онъ видѣлъ и ощущалъ его гармонію. „Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣчскій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородною гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни!... Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и

одухотвореннаго существованія!.. Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего возрѣнія стояли нравственныя обязанности и одна изъ необходимыхъ обязанностей — высвободить въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго для того, чтобы имѣть право на блаженство дѣйствительнаго, разумнаго существованія“ (П. В. Анненковъ). Подъ вліяніемъ новой философіи Бѣлинскій и его друзья смотрѣли на міръ и окружающую дѣйствительность главнымъ образомъ съ эстетической точки зрѣнія. Противорѣчіе идеала съ жизнью сглаживалось восторгомъ передъ истинно-художественнымъ произведеніемъ, открывавшемъ тайны міра.

Нравственная правда поглощалась красотой. Вотъ что писалъ Бѣлинскій въ это время. „Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ, вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него... Однако такія изображенія только тогда вѣрны, когда безцѣльны, когда созданы, а создавать можетъ одно вдохновеніе, а вдохновеніе можетъ быть доступно одному таланту, слѣдовательно, только одинъ талантъ можетъ быть нравственнымъ въ своихъ произведеніяхъ“.

Какой запасъ эстетическихъ силъ и вѣра во всемогущество философіи были въ душѣ писателя, когда съ заразительною горячностью онъ писалъ о красотахъ искусства въ условіяхъ своего полуголоднаго существованія въ Москвѣ. Это свойство Бѣлинскаго отдаваться до конца всеобъясняющей мысли въ дальнѣйшемъ становится еще нагляднѣе, особенно при усвоеніи имъ системы Гегеля. Но предварительно ему пришлось ознакомиться съ философіей Фихте. Онъ проходилъ ее подъ руководствомъ М. Бакунина. Система Фихте, дабы разрѣшить противорѣчіе между объективнымъ и субъективнымъ, признавала всѣ внѣшнія явленія созданіемъ чело-вѣческаго духа. Изъ мыслей этого философа выводъ былъ тотъ, что весь внѣшній міръ превращался въ пустой призракъ, и вся задача развитой личности должна быть сосредоточена на высшей жизни духа, на познаніи своего чистаго „я“, на высвобожденіи этого „я“ изъ подъ власти всего преходящаго, случайнаго и отъ внѣшняго міра чело-вѣкъ не долженъ зависѣть, если хочетъ быть свободнымъ и самостоятельнымъ. Но въ отвлеченномъ мірѣ тонкостей „фихтеанства“ Бѣлинскій скоро почувствовалъ себя не слишкомъ ловко, и можно было ожидать, что этотъ періодъ его духовнаго развитія долженъ будетъ скоро окончиться. Пренебреженіе къ другимъ сто-

ронамъ жизни, кромѣ идеальной, не удовлетворяло живымъ потребностямъ его духа и отъ презрѣнія онъ очень скоро перешелъ къ совершенному оправданію дѣйствительности, къ признанію ея законной и разумной во всѣхъ проявленіяхъ. Эти выводы были сдѣланы изъ философіи Гегеля, доставившаго писателю много огорченій. Вообще всѣ изученія нѣмецкихъ мыслителей нелегко давались БѢлинскому. „Жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубоко въ мое существо“...

„Вопросъ о „дѣйствительности“ и ея „разумности“ является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху его увлеченія гегельянствомъ, и это еще разъ доказываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, рассматриваютъ философскіе взгляды эпохи БѢлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна ли въ самомъ дѣлѣ та исключительность, съ которою всѣ силы ума и сердца БѢлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля — „все дѣйствительное — разумно“, положенія, въ концѣ концовъ, второстепеннаго, мимоходомъ высказаннаго въ предисловіи къ „Философіи права“. Если вы возьмете какую-нибудь позднѣйшую исторію философіи и прочтете статью о Гегелѣ, вы тамъ часто не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ „все дѣйствительное — разумно“. Вотъ до чего мало-важной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто-научныхъ притязаній гегелевской философіи: дать абсолютную истину о сущности всего мірового процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинута на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому, что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ, *какъ ему жить*, все отступило передъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой“ (С. А. Венгеровъ). За этотъ, собственно говоря, безразличный взглядъ на явленія жизни БѢлинскій ухватился, какъ за послѣднюю возможность мыслью замирить чувство, возмущавшееся отъ оскорбляющей дѣйствительности. За новое убѣжденіе онъ держался очень крѣпко и былъ до безумства послѣдователенъ, доходя до самыхъ крайнихъ выводовъ. „Я гляжу на дѣйствительность“, — пишетъ БѢлинскій, — „столь презираемую мною прежде, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и низвергнуть. Всѣ самыя противоположныя понятія получили для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дерутся между собою, но образуютъ цѣлое зданіе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ

безконечно разнообразныхъ элементовъ“... Ему кажется, что „всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны“...

„Дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, но пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей наперекорь. Чтобы освободиться отъ нея и вмѣсто ужаснаго чудовища увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство—*сознать* ее“. Нужно замѣтить, что въ это время крайнихъ выводовъ Бѣлинскаго онъ былъ одинокъ, члены кружка Станкевича въ Москвѣ не жили, старые друзья разъѣхались, новые еще не пріѣхали. Самъ Станкевичъ былъ за границей, Грановскій еще не пріѣзжалъ въ Москву, Герценъ пока былъ въ ссылкѣ, В. П. Боткинъ никакого противодѣйствія оказать не могъ, т. к. былъ силенъ въ исторіи искусствъ, а не въ философіи; оставался Бакунинъ, но его отношенія къ Бѣлинскому въ періодъ крайняго увлеченія послѣдняго уже измѣнились; друзья начали ссориться съ тѣмъ, чтобы скоро и вовсе разойтись. Во всѣхъ перечисленныхъ стремленіяхъ Бѣлинскаго у него была одна цѣль—выработать нравственный идеалъ, опираясь на различныя философскія системы, объяснить поражающіе его факты русской дѣйствительности, найти выходъ сомнѣніямъ, которыя обуревали его страстную натуру, пытавшуюся такъ или иначе примирить разладъ нравственныхъ требованій съ существующимъ положеніемъ вещей. Послѣднее міросозерцаніе, сложившееся у Бѣлинскаго, не нравилось его друзьямъ. Станкевичъ не одобрялъ „примиренія“; Бакунинъ сердился на Бѣлинскаго за его измѣну „идеальности“ въ пользу дѣйствительности. Въ 1839 г. произошла встрѣча Бѣлинскаго съ вернувшимся изъ ссылки Герценомъ; эта встрѣча имѣла важное значеніе. Еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ, во времена возникновенія кружковъ, Герценъ и его другъ Огаревъ воспитывались на идеяхъ, рѣзко отличавшихся отъ идеалистическаго направленія друзей Станкевича. Члены кружка Герцена въ противоположность германской философіи увлекались французскимъ позитивизмомъ и социализмомъ. Но въ 1834 г. оба друга были арестованы и отправлены въ ссылку. Кружокъ разсѣялся и нѣкоторые его члены присоединились потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, къ товарищамъ Станкевича. Вниманіе Герцена и его друзей было давно сосредоточено на политическихъ и социальныхъ вопросахъ, на изученіи современнаго состоянія общества, на размышленіяхъ о возможномъ его будущемъ. Съ ихъ точки зрѣнія примиреніе съ дѣйствительностью было уничтоженіемъ всѣхъ запросовъ, какими жила ихъ душа. Встрѣча Герцена послѣ ссылки съ Бѣлинскимъ въ Москвѣ

была очень недружелюбна, отношеніе перваго къ русской дѣйствительности было самое отрицательное, отношеніе втораго доходило до полнаго оправданія всѣхъ самыхъ уродливыхъ явленій. Но уже приближался послѣдній переломъ во взглядахъ нашего критика, новая литература, столь любимая имъ, стала опровергать всѣ его теоретическія разсужденія, и перемѣна его жизни способствовала, какъ и въ молодости, ближайшему столкновению съ дѣйствительностью. Появились стихотворенія и проза Лермонтова, пѣсни Кольцова, „Мертвыя души“ Гоголя, а самъ Бѣлинскій вынужденъ былъ покинуть Москву и перебраться въ Петербургъ. Весь пройденный путь былъ далеко не безплоденъ, въ лицѣ Бѣлинскаго русская общественная мысль совершала свое необходимое развитіе и от романтизма постепенно перешла къ новымъ задачамъ нашего перваго реализма. И ранній романтизмъ писателя, и отрицаніе и оправданіе дѣйствительности, все послужило къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія, въ которомъ пониманіе красоты гармонично сочеталось со здравымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, глубина мысли—съ чуткой воспримчивостью ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ.

Переѣздъ въ Петербургъ былъ связанъ съ большими огорченіями. Бѣлинскій прощался съ жизнью среди друзей и выступалъ въ міръ чужой и враждебный.

Журналисты—Сенковскій, Булгаринъ и Гречъ имѣли многочисленныхъ поклонниковъ въ обществѣ и, дабы ослабить ихъ вредное вліяніе, приходилось вести съ ними утомительную полемику; бывшій кружокъ Пушкина былъ Бѣлинскому чуждъ; редакція „Отечественныхъ Записокъ“, которая вызвала его изъ Москвы, состояла изъ лицъ ему мало знакомыхъ. Впослѣдствіи около него составилъ новый кружокъ друзей, въ числѣ которыхъ были Некрасовъ, Панаевъ, Тургеневъ, Анненковъ и др. Но эти новые друзья не могли замѣнить Бѣлинскому старыхъ. Образъ его жизни былъ однообразенъ, въ 1843 г. онъ женился.

Два раза, и то на короткій срокъ, уѣзжалъ онъ изъ Петербурга въ Крымъ и за границу, для лѣченія болѣзни. Въ Петербургѣ Бѣлинскій приходилъ въ болѣе частое и рѣзкое столкновение съ той дѣйствительностью, полное примиреніе съ которой онъ такъ недавно проповѣдывалъ. Вращаясь въ кругу московскихъ друзей, преимущественно въ области отвлеченныхъ вопросовъ, онъ многія стороны жизни наблюдалъ лишь издали; эти стороны съ полною ясностью предстали передъ нимъ въ городѣ, гдѣ ближе пришлось узнать условія, въ которыхъ работалъ тогдашній русскій литераторъ, оцѣнить силу вліянія Булгарина, Греча и Сенковскаго, узнать, что такое читающая публика. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ его

размышлений о Петербургѣ. „Петербургъ“, пишетъ Бѣлинскій, „имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее дѣйствіе; сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжкою грустью, но въ этой грусти такъ много святого, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастье глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина и при томъ плодотворная“... Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ слѣдующее. „Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ. Появилось стихотвореніе, повѣсть—восхитили тебя, меня и прочихъ чудаковъ, а мы и говоримъ, что публика поняла это сочиненіе. Чтобы узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ Петербургѣ“... Длинныя письма, какія писалъ въ это время Бѣлинскій къ своимъ московскимъ друзьямъ, свидѣтельствуютъ о тяжелыхъ душевныхъ переживаніяхъ, о ломкѣ всего міровоззрѣнія; по этимъ письмамъ можно съ полною ясностью представить себѣ ходъ его мыслей, приведшій къ окончательнымъ выводамъ, создавъ того Бѣлинскаго, взгляды котораго стали канонмъ для большинства изъ послѣдующихъ поколѣній. Говоря о трудности положенія среди дѣйствительности, еще заслуживающей презрѣнія, Бѣлинскій съ возрастающею горячностью описываетъ свои новыя настроенія. „Въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ *москводушию*, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ... Отчего же европеецъ въ страданіи бросается въ общественную дѣятельность и находитъ въ ней выходъ изъ самаго страданія?“ Въ слѣдующемъ же письмѣ отъ 4 октября 1840 г. разрывъ съ прежними воззрѣніями уже совершенно опредѣлился, и Бѣлинскій раздражается страстнымъ монологомъ такого содержанія.

„Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью!.. Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предрасудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!—какъ воскликнулъ великій Пушкинъ.

Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что со мной было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій“... И въ концѣ письма: „дѣйствительность—это палачь“.

Всѣ пути были пройдены, Бѣлинскій пришелъ къ выводамъ, не оставлявшимъ его уже до конца жизни.

Теперь проповѣдь его сводится къ необходимости поднять духовный уровень массъ, повысить сознание человѣческаго достоинства, отстаивать право развитой личности на свободную мысль и чувство. Вопросъ объ отношеніи такой личности къ народной массѣ, которую слѣдовало воспитывать и просвѣщать, сталъ, какъ извѣстно, кореннымъ въ разногласіяхъ двухъ общественныхъ теорій, западной и славянофильской.

Въ связи съ развитіемъ философскихъ возрѣній Бѣлинскаго шло развитіе его эстетическихъ и вообще литературныхъ взглядовъ. Но здѣсь въ немъ было больше устойчивости; вопреки своимъ теоретическимъ разсужденіямъ, онъ невольно становился на правильныя точки зрѣнія, соединяя чувство дѣйствительности съ врожденнымъ чувствомъ прекраснаго. И здѣсь заключается его непрекаемое значеніе. Его общественно-политическіе взгляды нуждались въ поправкахъ, историческая наука разъяснила впоследствии многое, что не было извѣстно ни Бѣлинскому, ни его противникамъ, но обнаруженное имъ необычайно тонкое художественное пониманіе произведеній Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова надолго сдѣлало его литературныя оцѣнки школьными, классическими.

Все это достаточно извѣстно. Но хотѣлось бы напомнить въ эти дни воспоминаній о знаменитомъ критикѣ, что, доходя мыслью до граней отрицанія, ставъ въ послѣдніе годы жизни на публицистическую точку зрѣнія, Бѣлинскій не потерялъ способности вѣрно опредѣлять художественную сторону поэтическихъ произведеній, не требовалъ отъ свободнаго творчества подчиненія предуказаннымъ цѣлямъ. Приведемъ послѣдніе взгляды его на искусство. Въ декабрѣ 1847 г. Б. пишетъ В. П. Боткину: „Будь повѣсть хоть расхудоженна, да если въ ней нѣтъ дѣла, то я къ ней совершенно равнодушенъ... *Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея*“... Его продолжатели, за немногими исключеніями, этого не сознавали и довели свои требованія до тупика, гдѣ прекрасное, вѣчное въ такомъ писателѣ, какъ Глѣбъ Успенскій, вызывало равнодушіе, Фетъ былъ острякъ, а вся красота и глубина творчества А. Чехова оставалась совершенно непонятой. Бѣлинскаго спасли не только врожденная

чуткость къ прекрасному, но и полученное имъ эстетическое воспитаніе въ самомъ идеалистическомъ кружкѣ, который когда-либо бывалъ на свѣтѣ. И въ этомъ гармоническомъ сочетаніи широкихъ общественныхъ взглядовъ съ преклоненіемъ передъ вѣчными красотами человѣческаго духа надо видѣть неумиряющее значеніе перваго русскаго критика.

В. Я.

